

Хороший немец

ЛУЧШИЙ НА СЕГОДНЯ ТЕНОР

МИРА ЙОНАС КАУФМАН

В АПРЕЛЕ ВЫСТУПИТ В МОСКВЕ.

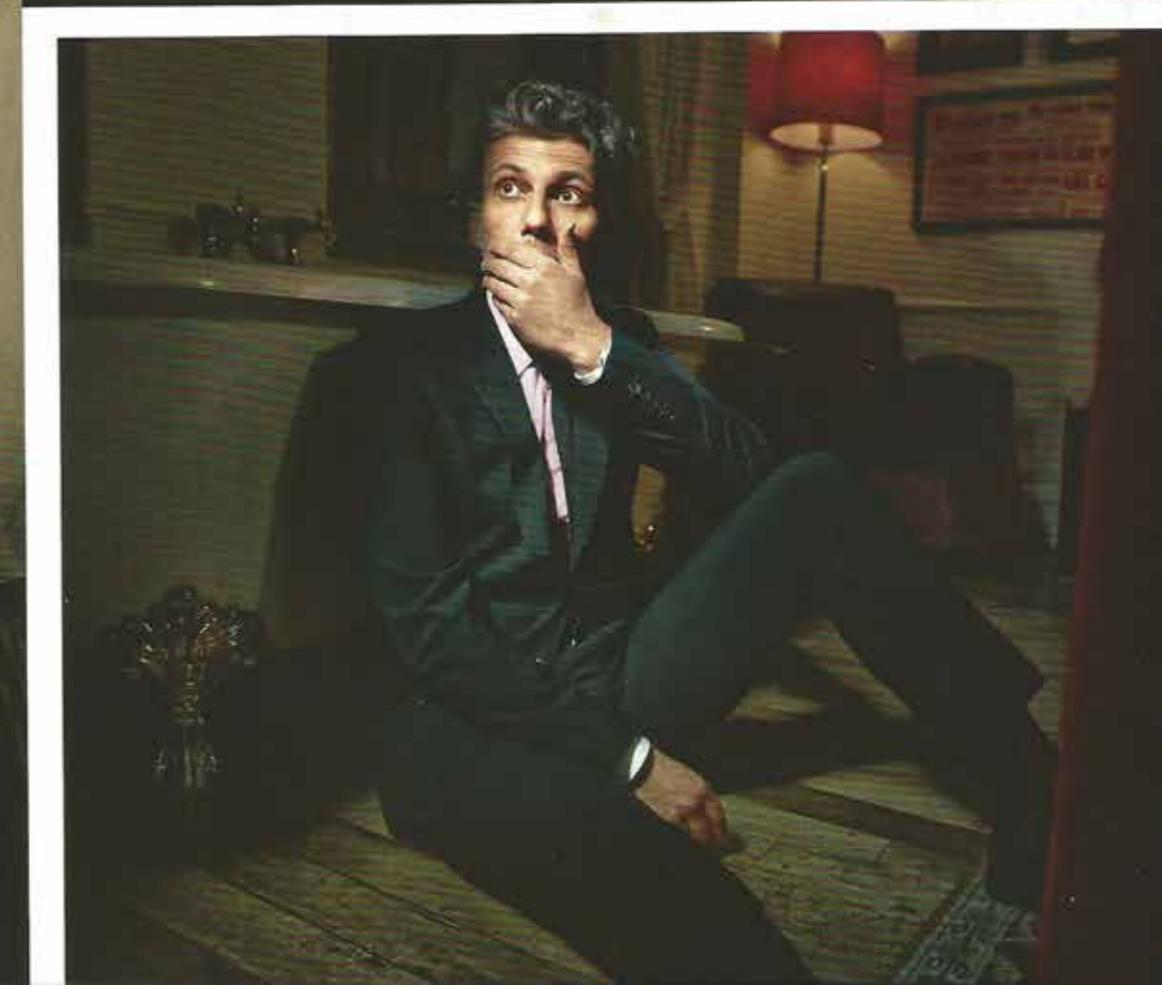
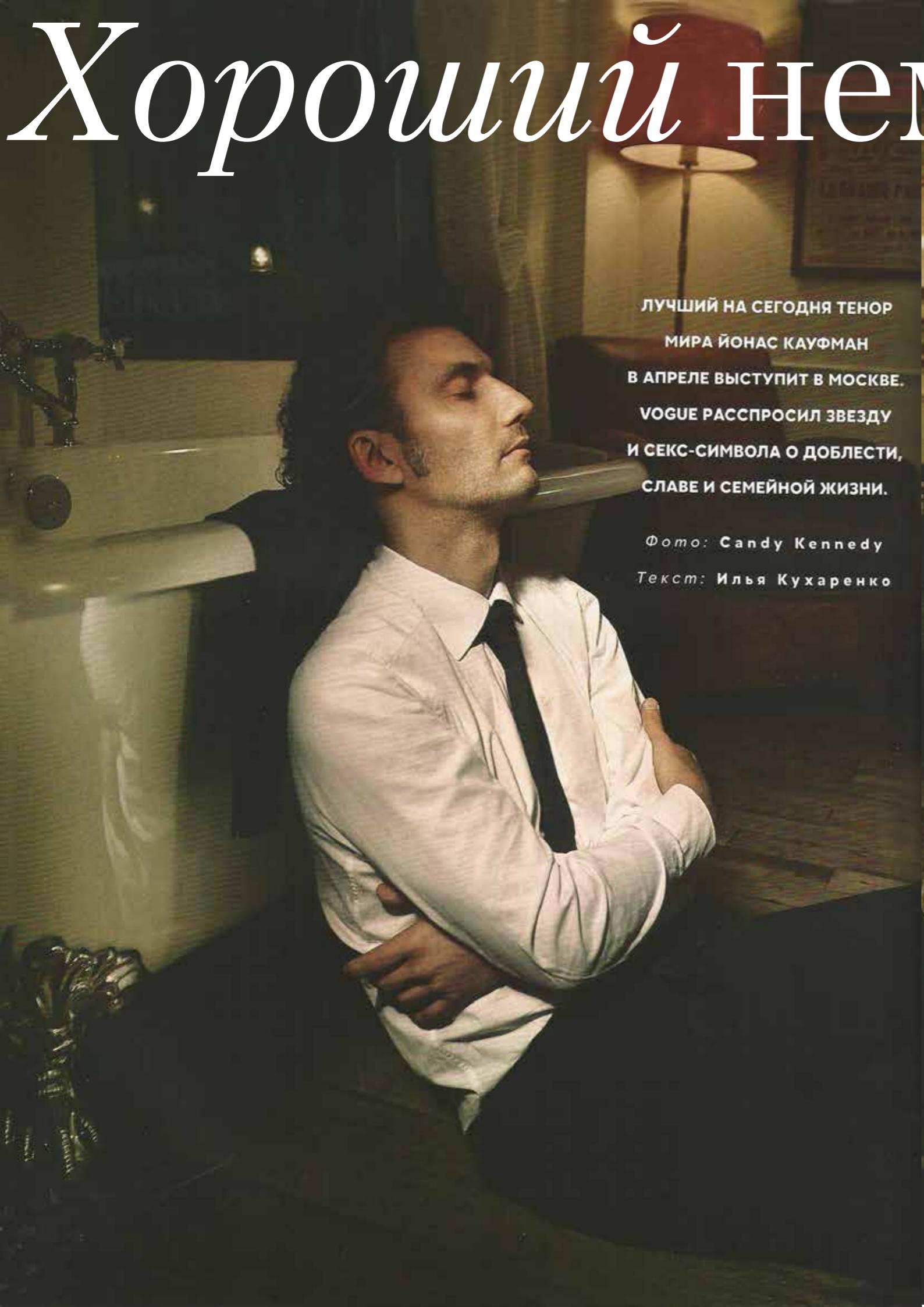
VOGUE РАССПРОСИЛ ЗВЕЗДУ

И СЕКС-СИМВОЛА О ДОБЛЕСТИ,

СЛАВЕ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

Фото: Candy Kennedy

Текст: Илья Кухаренко

Я

боюю, а через четыре дня концерт и репетиции «Страданий юного Вертера» в Метрополитен-оперы. И за окном на Манхэттене кошмарная хмаря». Оказывается, сорокачетырехлетний Кауфман, знаменитый, бессовестно красивый и голосистый, говорит не тем голосом, которым поет — в разговорной речи звучит скорее как бас-баритон, а не тенор со знаменитым верхним «до». Во всем остальном полное соответствие сценическому облику — хорош собой, статен, умен.

Заполнив пустовавшую нишу главного оперного героя — тенора без страха и упрека в середине 2000-х, Кауфман сразу после первых Вертеров, Каварадосси из «Тоски» или Манрико из «Трубадура» стал укладывать штабелями вокруг себя и страстных фанаток, и суровых критиков, и видавшую виды оперную клаку в смокингах, шифонах и бриллиантах. На недавнем концерте, устроенным Rolex в «Барвихе», тенор с блеском показал, что его голоса хватит и без микрофонов, на которых до того наставили и Пласидо Доминго, и Адгела Георгиу. В апреле в качестве презентации нового диска Йонас Кауфман споет в Москве на фестивале «Опера априори» в Большом зале Консерватории мрачный, сложный и прекрасный цикл Шуберта «Зимний путь», взывая к продвинутой меломанской аудитории. А уж когда на нем рубашка апаш, желательно с пятнами крови (тут подходят и Вертер, и Манрико, и Альваро), и он играет свою роль, не грызя кулису, но с каким-то подлинным драматизмом, и все это еще показывают в кино в формате Live HD по всему миру, то тут уже пора нервничать голливудским звездам.

Почему же он все продолжает петь этого горбого влюбленного истерика-самоубийцу Вертера, если уже давно стал рыцарем в сияющих доспехах? Зачем сыграл в парижской «Травиате» Марталера провинциального греческого недотепу Тео Сарапо в объятиях Эдит Пиаф? Это партии не для мачо, не для секс-символа. К чему эти страдания?

«Во-первых, я просто люблю эту музыку, и это полезно — петь партии, в которых есть только кантилены и лирики, — отвечает Йонас. — А во-вторых, надо признать, что Вертер, хотя он депрессивен и уязвим, все же очень симпатичный парень. При этом он может доходить до бешенства и исступления. В этот раз я пою в традиционной, красивой постановке, но на сцене такого большого театра, как Метрополитен-опера, надо тяжело поработать, чтобы добиться той интимности, которая есть в сюжете».

Кауфман считает: в супергероя, которого, он, вероятно, так легко мог бы изображать, все равно никто не поверит. Буквально по тактам он разбирает все свои роли, желая показать, что ни одну из них не видит картонным постером к голливудскому блокбастеру: «Даже если взять Лоэнгрина, который буквально рыцарь Граала, то и там все непросто — он чужак, незнакомец в этой стране, который требует от возлюбленной никогда не спрашивать,

кто он такой. В finale он выходит из себя, и если внимательно посмотреть на текст Вагнера, то станет ясно, что злится он прежде всего на себя. Так что в итоге этого супергероя публика скорее жалеет и хочет ему помочь. признаюсь, эта реакция и этот персонаж мне гораздо ближе, чем, например, Отелло. Но я не считаю, что «Отелло» неинтересная опера, мавр все-таки поражает безумием своей ревности, но сопереживания в сюжетах «Вертера» и «Лоэнгрина» больше».

Интересный он, Кауфман: выглядит как мачо, играть больше всего любит «лиших людей», а по характеру — чистый баварец, спокойный, рассудительный и какой-то внутренне зажиточный, что ли.

Трудно сказать, приобретены ли эти качества с годами или были в уроженце Мюнхена с рождения. Семья его была музыкальна лишь в обычательском смысле этого слова. Дед любил играть клавиши Вагнера на рояле и пел за всех, включая валькирий. Отец работал в страховой компании, а мама была педагогом в детском саду. В итоге сына, который все время что-то напевал и говорил громче, чем другие дети, стали с семи лет учить музыке, не подозревая, что в один прекрасный момент это станет его профессией. Когда речь зашла о карьере певца, вся родня принялась убеждать молодого человека, что эти мечты лучше оставить милым хобби, а деньги надо бы зарабатывать чем-то более надежным. В результате, слегка обманывая и родных, и себя, он два года проучился на математика, попутно посещая уроки вокала.

Несмотря на все сомнения в правильности его музыкального выбора, и родители, и его дядя поддерживали Йонаса во время учебы. «У нас была обеспеченная семья, в детстве мы каждый год выезжали на каникулы в Италию, и пока я учился, то ни разу не испытывал желания отыграться за голодную юность. Конечно, когда тебе двадцать, ты мечтаешь о том, чтобы купить новый телевизор, а когда исполняется сорок и обзаводишься семьей, уже думаешь, что тебе нужен новый дом. Я, кстати, недавно купил».

«Я всегда понимал, что быть оперным певцом — рискованно, — продолжает Кауфман. — Не многие из тех, кто со мной учился, в итоге сделали хорошую карьеру. Бывает, что, потратив годы на учебу, человеку приходится бросать все и начинать жизнь заново в другой профессии. Но несмотря на все эти риски, я в какой-то момент понял, что если хочу чего-то достичь в вокале, то нужно заниматься только этим. Мне повезло и с педагогами, и с антрактами, и теперь все выглядит куда более богато. Но иногда я все же жалею, что у меня нет обычной работы, которая бы позволяла мне не жить в самолетах и ровно в пять вечера покидать офис, чтобы увидеться с женой и детьми».

Его жизнь с меццо-сопрано Маргарет Йосвиг не выглядит отметкой в паспорте для галочки, это настоящая >

семья, как любят в Баварии, — с крепышами-детьми и воскресными походами в пивной ресторанчик. И это несмотря на то, что Маргарет продолжает свою карьеру, успешно стартовавшую в опере Штутгтарта, притом что у пары трое детей — дочь-подросток и два маленьких сына.

Да и со мной Йонас говорит с интонациями умного и терпеливого отца, который никогда не выйдет из себя, а постараится все подробно объяснить: «Трудно быть отцом и мужем в той ситуации, в которой я живу. Слава Богу, что есть скайп и можно часами разговаривать с детьми, которые остаются в Германии. Даже получается быть виртуальным свидетелем их первых шагов, успехов и так далее. Во время каникул стараюсь брать всех с собой, но сейчас школьная пора и это невозможно. Но мне и правда важно быть отцом-молодцом, важно поделиться с детьми тем, что знаю, тем, как вижу этот мир».

КАУФМАН — ФАНАТ ЧТЕНИЯ, И БЫВАЕТ ИСКРЕННЕ УДИВЛЕН, КОГДА ЕГО КОЛЛЕГИ ВЫХОДЯТ НА СЦЕНУ В «ФАУСТЕ», ДАЖЕ НИ РАЗУ НЕ ОТКРЫВ ТОМИК ГЕТЕ.

но там до сих пор полные залы, а значит, это сорок лет назад было поставлено так, что до сих пор работает. Многие завсегдатаи ходят в оперные театры, чтобы проветрить меха и выгулять бриллианты. Пусть, ведь они выкупают самые дорогие билеты, и это позволяет радовать и более искренних поклонников жанра роскошными постановками. Опера — дорогое искусство, но не потому, что певцы, как в старые времена, получают неслыханные гонорары. Дорого стоит само производство».

В оборотах его речи, в связности мысли, даже когда он пускается в пространные рассуждения, ощущается не самодовольный тенор из анекдотов, а скорее книжный червь. «Вы правы, — смеется Кауфман, — я настоящий фанат чтения, без книжки просто не могу заснуть. iPad и Kindle сэкономили мне кучу денег, которые я каждый раз платил за перевес, таская с собой чемоданы с литературой. Потому что каждый раз, когда я готовлюсь к роли, я не просто пролистываю либретто, а читаю само произведение и изучаю историческую эпоху. Будь то «Фауст» и «Вертер» Гете, шиллеровский «Дон Карлос» или «Кармен» Мериме».

Становится понятно, почему в звездных свершениях Йонаса Кауфмана не значится ни одного кроссвер-проекта формата Басков-Кабалье, Киркоров-Нетребко или Хворостовский-Крутой, хотя я уверен, что он не раз получал предложения от менеджеров спеть что-то попсовое. «Я не зарекаюсь. Просто для меня есть два разных типа такого пересечения жанров. Один — это те потрясающие немецкие популярные песни начала XX века из эпохи радио и первого звукового кино, которые здорово пели знаменитые оперные тенора Рихард Таубер и Йозеф Шмидт, а поколение спустя — Фриц Вундерлих и Рудольф Шок. Особенно у Вундерлиха это по-настоящему шло от сердца, и, возможно, когда-нибудь я это тоже спою. Но бывает и иначе. Вот, скажем, я могу случайно оказаться в одном баре с поп-звездой, выпить вместе пива и придумать сделать что-то совместное, что вдохновляет нас обоих. Но пока такой встречи не случилось. Так что в ближайшее время буду петь «Зимний путь» Шуберта».

Шутки шутками, но вообще-то «Зимний путь» — самый масштабный, самый глубокий и самый коварный цикл во всей истории немецкой камерной лирики. В Москве, где немецкий понимают единицы, тенору и мировой звезде, от которого все ждут страстей в клочья и высоких нот, будет трудно полтора часа сплетать «венок жутких песен», повествующих о бесцельных странствиях отвергнутого любовника. Сам певец очень точно говорит о том, что в камерном жанре ни на секунду не спрячешься за оркестровой мощью, грандиозностью декораций и великолепием костюмов. Только он и пианист. Это открытый разговор один на один. Впрочем, книжечкой Кауфман к нему давно привык. ■

B

родном Мюнхене Кауфмана долго не замечали: мол, конечно, мы его знаем и имеем в виду, но он должен набраться опыта и выстрелить где-нибудь еще для начала. В итоге в Баварской опере, где он пел проходные партии, Кауфман не смог получить ничего козырного. «Как вы, русские, говорите, нет пророка в своем отечестве», — посмеивается певец, не без удовольствия рассказывая о том, как было шокировано шесть лет назад новое руководство театра, узнав, что в Мюнхене никто до сих пор не приглашал. Зато теперь он спел там более пятидесяти раз.

Не без оснований Йонас критикует и родную австро-немецкую традицию режиссерской оперы: «Я был поражен, когда только начал работать в одном театре и директор мне сказал, что не может принять решение сейчас, ведь сначала он должен спросить своих любимых режиссеров о том, что те хотели бы ставить, проверить, давно ли это играли в его театре, а уже тогда режиссер скажет свои пожелания по составу. Сорок лет назад такой подход выглядел немыслимо, а теперь это норма. Да, традиция regiertheater родилась в Германии, и изменился сам подход к вопросу, зачем публика ходит в оперу. В Германии и Австрии театры стремятся угодить интеллектуалам и привлечь прессу. Но иногда мне кажется, что мы переборщили и потеряли что-то важное в погоне за новыми вывертами режиссерской мысли».

«Не поймите меня неправильно, — продолжает певец. — В последнее время я играл во многих спектаклях с активной режиссерской, которые мне кажутся сильными и глубокими. Это и «Травиата» Марталера в Парижской опере, и «Лоэнгрин» Клауса Гута в Ла Скала. Но порой я думаю про спектакли, например в Венской опере, которые идут вот уже сорок лет. Конечно, их чуть обновляют,

